

ИНСТИТУТЫ И ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ КВАЗИКОУЗИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

ФРОЛОВ ДАНИИЛ ПЕТРОВИЧ,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой маркетинга и рекламы,
Волгоградский государственный университет,
e-mail: ecodev@mail.ru*

Теория транзакционных издержек и «теорема Коуза» как ее методологическая основа являются фундаментом современной институциональной политики. В этой области исследований накопилось множество противоречий и конвенциональных допущений, нуждающихся в преодолении. В статье аргументирована необходимость преодоления абстрактности «теоремы Коуза» и ее онтологического расширения. Обоснована интегральная теорема о транзакционных издержках и институтах, показывающая логику их взаимосвязи в эволюционном аспекте.

Ключевые слова: транзакционные издержки; институты; онтология; гносеология; «теорема Коуза»; «императив Норта»; «аксиома Иншакова»; «теорема Маевского»; интегральная теорема.

The transaction cost theory and «Coase theorem» (as its methodological basis) are the base of a modern institutional policy. In this area of researches the set of contradictions and conventional assumptions needing overcoming has collected. In article necessity of overcoming of Coase theorem's abstractionism and its ontologic expansion is given reason. The integrated theorem about transaction costs and the institutions, showing to the logic of their interrelation in evolutionary aspect is proved.

Keywords: transaction costs; institutions; ontology; gnoseology; «Coase theorem»; «North's imperative»; «axiom of Inshakov»; «Maevsky's theorem»; integrated theorem.

Коды классификатора JEL: B52, E02, F55.

Современная институциональная теория зиждется на двух фундаментальных категориях — институтах и транзакционных издержках¹. Хотя их многочисленные определения остаются дискуссионными, уже произошло конвенциональное закрепление ряда устойчивых стереотипов, своего рода аксиом институционализма. Ключевые из них — правовая интерпретация транзакций, негативная трактовка транзакционных издержек и приписывание институтам

¹ Во избежание двусмысленности институты далее рассматриваются в расширительном смысле как способы институции и организации хозяйственной деятельности, связанные с ними нормы, правила и процедуры, формирующие регулятивные механизмы транзакций их агентов. О проблеме корректного разграничения институций и институтов см.: (Иншаков и Фролов 2005; Иншаков и Фролов 2010; Иншаков 2010).

целевой функции их минимизации. Преодоление этих методологических упрощений на основе переосмысления и онтологического расширения «теоремы Коуза» позволит, на наш взгляд, сделать новый шаг на пути синтеза институциональной и эволюционной парадигм в современной экономической науке.

Переосмысление теории трансакционных издержек объективно необходимо, поскольку системы транзакции, как и «системы интеракции не образуются за пределами общества, чтобы затем войти в общество в качестве готовых структур. Поскольку они используют коммуникацию, они всегда представляют собой свершение общества в обществе» (Луман 2006, 247). При этом вступающие в транзакции агенты «оснащены особыми типами чувствительности, которая помогает им учитывать то, что имеется в обществе в качестве окружающего их мира» (Луман 2006, 247). Корректные представления об институциональной реальности обеспечивают гармоничность развития людей в общественной среде. Упрощающие объективную действительность научные концепции, конвенционально закрепляясь и получая широкое распространение, становятся устойчивыми стереотипами и начинают определять общественное бытие (Фролов 2008). Ведь в основе вырабатываемых людьми норм и правил лежат паттерны как эволюционно сложившиеся, социально типизированные, устойчивые образы реальности, относящиеся к области общественного подсознания. Именно «распознавание паттернов, а не абстрактное логическое мышление... является тем способом, при помощи которого мы воспринимаем, запоминаем и осмысливаем» (Норт 2010, 47–48). Поэтому важно преодолеть методологические конвенции и стереотипы в области экономических теорий институтов и транзакций. Транзакционные издержки могут и должны рассматриваться не столько как показатель простоты и надежности институциональных структур, сколько как индикатор сложности социальной системы и эволюционной эффективности ее институтов.

«ТЕОРЕМА КОУЗА»: ОНТОЛОГИЗАЦИЯ И ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ

«Теорема Коуза» — главный парадокс экономической науки XX в. Обладая огромным эвристическим потенциалом, она применялась к анализу широчайшего спектра объектов (от постсоветской приватизации до Лиги чемпионов по футболу) (Андрефф 2003; Szymanski 2006), породила научное течение коузианцев (*Coaseanism*), стала основой создания новой институциональной экономической теории и фактически открыла институционализму «второе дыхание» в конкуренции с неоклассическим мейнстримом. Но, вместе с тем, «бесславная теорема Коуза, сформулированная и названная так Стиглером» (Коуз 2004, 683), подверглась шквалу критики (вплоть до доказательств ее ошибочности) (Aivazian and Callen 2003), вызвала непрекращающуюся до сих пор волну полемики и получила массу интерпретаций, развивающих, искажающих, а часто и вульгаризирующих ее неоднозначное содержание. Ведь сам «Коуз так и не дал формулировки этой теоремы, а когда это пытаются сделать другие, она, ви-

димо, превращается либо в ложное высказывание, либо в тавтологию» (Кутер 2004, 61).

По мнению Р. Коуза, чрезмерное внимание привлекла сама теорема, в частности, ее условные допущения и формулировка. Сам же он «склонен расценивать теорему Коуза как ступень на пути к анализу экономики с положительными издержками трансакций. Для меня значимость теоремы Коуза заключается в том, что она подрывает систему Пигу» (Коуз 2004, 683), т.е. выполняет гносеологическую функцию индуцирования парадигмального сдвига в экономической теории. Однако, будучи исходно нацеленной на решение конкретной теоретической задачи, «теорема Коуза» подверглась неявной онтологизации, т.е. приписыванию данной аналитической конструкции выраженной нормативной функции, ее перемещению из сферы «чистого разума» в сферу бытия, экономической политики и хозяйственной практики. Хотя Р. Коуз описывал гипотетический мир с нулевыми трансакционными издержками как, образно говоря, «воображариум» профессора Пигу, именно этот абстрактный «мир номер ноль» стал пропагандироваться коузианцами в качестве целевого ориентира рыночной экономики. Неслучайно возникло понятие «квазикузианской парадигмы» (Butler and Garnett 2003, 141), ведь «теорема Коуза», независимо от воли ее автора, стала концептуальным «ядром» либерально-экономической доктрины и «сердцевинной» традиционного скептицизма неоклассических экономистов в отношении государственного регулирования. Фактически «теорема утверждает, что когда права собственности четко определены и «трансакционные издержки» равны нулю, участники рынка организуют свои трансакции таким образом, чтобы получить наиболее эффективный результат» (Glaeser, Johnson and Shleifer 2001, 853). В такой интерпретации «теорема Коуза» выступает строго сформулированным вариантом концепции «невидимой руки» рынка.

Вместе с тем, как показывает Э. Бертран, теорема по своей сути не предполагает каких-либо выводов для экономической политики. Однако, если объединить убежденность в том, что ценовой механизм без трансакционных издержек совершенно эффективен и что, даже будучи дорогостоящим, он все же лучше государственного регулирования, то возникают достаточно четкие стратегические предписания (Bertrand 2008, 22), близкие к либерально-рыночной доктрине. По сути «теорема Стиглера была непосредственно обращена к либеральным экономистам, которые расценили ее как доказательство того факта, что экстерналии не требуют государственного вмешательства» (Butler and Garnett 2003, 135). При этом меняется представление о роли государства в рыночной экономике: из «ночного сторожа» оно трансформируется в «кузианского законодателя» (Harris 2002, 1194), своеобразного оптимизатора рынка (*market perfecter*), главной функцией которого является создание ясных и четких правил, простых и логичных процедур, снижающих издержки осуществления трансакций. Ведь, по словам Р. Кутера, «политическая установка, вытекающая из теоремы Коуза при

интерпретации «в аспекте трансакционных издержек», должна состоять в том, чтобы посредством права минимизировать эти издержки» (*Кутер 2004, 62*).

Некоторые нормативные «нотки» прозвучали и в Нобелевской лекции Р. Коуза, в той части, где он рассуждает о правах собственности: «Очевидна желательность того, во-первых, чтобы этими правами были непременно наделены те, кто может использовать их наиболее продуктивно и имеет стимулы поступать имен-но таким образом, и, во-вторых, чтобы выявление (и поддержание) такого распределения прав непременно было сопряжено с низким уровнем издержек по передаче этих прав, обеспечиваемым ясностью законодательства и созданием менее обременительных правовых требований для таких передач» (*Коуз 2004, 684*). Если Р. Коуз говорит о желательности низких трансакционных издержек, давая тем самым «мягкую» нормативную интерпретацию своей теоремы, то Д. Норт формулирует ее «жесткую» версию, своего рода императив для экономической политики: «Эффективные рынки возникают в реальном мире, когда достаточно сильна конкуренция, чтобы арбитраж и эффективные (информационные) обратные связи смогли приблизить состояние системы к *условию Коуза, предполагающему нулевые трансакционные издержки*, и позволить участникам рынка реализовать выгоды обмена, вытекающие из неоклассической теории (курсив. — *Авт.*)» (*Норт 2004, 709*) в ее радикально-либеральном варианте. Так «теорема Коуза» из оригинальной теоретической конструкции превратилась *de facto* в нормативную экономико-политическую модель. Именно в этом парадигмальном статусе она развивается и критикуется большинством современных исследователей.

Онтологизация «теоремы Коуза» задала общий вектор развития теорий экономических институтов и трансакционных издержек. Их аксиоматика сформулирована достаточно четко, конвенционально поддерживается исследовательским сообществом и устойчиво воспроизводится как в научной, так и в учебной литературе.

Итак, «теорема Коуза» вербально «моделирует идеальный статичный мир, в котором отсутствует трение» (*Норт 2004, 708*). Безусловно, «в таком мире институты, образующие экономическую систему, никому и ни для чего не нужны» (*Коуз 2007, 19*), ведь «только при условии ненулевых трансакционных издержек институты имеют значение» (*Менар 2005, 117*). Но в реальном экономическом мире «трансакционные издержки никогда не равны нулю» (*Смирнов и Смирнова 2004, 68*). Более того, они представляют собой непроизводительные расходы и всегда «носят вынужденный характер... Никто не стремится их нести, поскольку они представляют собой только препятствие для эффективного обмена правами» (*Дементьев 2005, 112*), а значит, чем они ниже, тем лучше для всех субъектов экономики. Очевидно, что «минимизация трансакционных издержек предполагает совершенствование средств их экономии, а такими средствами являются самые разнообразные социально-экономические институты» (*Смирнов и Смирнова 2004, 68*). Тогда «можно рассматривать институт как структуру, минимизирующую трансакционные издержки, и оценивать его по

этому критерию» (Кузьминов, Бендукидзе и Юдкевич 2006, XXXIV), ведь именно «трансакционные издержки определяют эффективность институциональных изменений» (Сухарев 2010, 31). Описанная логика явно или неявно представлена в работах подавляющего большинства современных институциональных экономистов. По сути «теорема Коуза» переформулируется в нормативной версии с учетом «императива Норта»: *чем эффективнее экономические институты, тем больше они способствуют минимизации трансакционных издержек в экономике*. Именно в этом состоят главная цель и результат функционирования институтов (Уильямсон 1996, 27).

ПАРАДОКС ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК

Хотя «теорема Коуза» не является нормативной концепцией и относится к области позитивной теории, институциональные экономисты повсеместно делают из нее далеко идущие практические выводы, касающиеся сфер управления и государственного регулирования. *Как невозможно управлять тем, что нельзя измерить, так и невозможно измерить то, что не имеет однозначного определения*. Размытость понятия трансакционных издержек вынуждает исследователей постоянно прибегать к разнообразным метафорам для прояснения их сущности: «Это, если воспользоваться компьютерной метафорой, своего рода софтвер, программное обеспечение, облегчающее эффективное использование имеющегося у сообщества хардвера, или «аппаратного обеспечения» — капитала, рабочей силы и инфраструктуры»². В свою очередь Т. Эггертссон признает: «Четкой дефиниции трансакционных издержек не существует, но ведь в неоклассической модели нет корректного определения и издержек производства» (Эггертссон 2001, 29). Тем не менее, из-за своего расплывчатого, аморфного содержания и высокой произвольности вкладываемой смысловой нагрузки «трансакционные издержки как инструмент теории заслужили дурную славу» (Fisher 1977, 322).

Главной причиной столь неутешительного состояния теории трансакционных издержек, на наш взгляд, является их негативная трактовка, обусловленная правовой интерпретацией самих трансакций и их жесткой «привязкой» к сфере рыночного обмена. В общем смысле «трансакционные издержки суть затраты, возникающие, когда индивиды обмениваются правами собственности на экономические активы и обеспечивают свои исключительные права» (Эггертссон 2001, 29). Вспоминаются рассуждения Дж. Коммонса о том, что единицей изучения в институциональной экономике является трансакция, представляющая собой «не обмен товарами, а отчуждение и присвоение прав собственности и свобод, созданных обществом» (Commons 1931, 652). В свою очередь К. Менар предлагает «назвать трансакцией любой трансферт прав пользования товарами и/или услугами между технологически разделяемыми единицами» (Менар 2005, 118). Слабо помогает попытка разграничить институционалистскую и

² См.: Ворота в глобальную экономику. / Под ред. О.Е. Андерссона и Д.Е. Андерссона. М.: ФАЗИС, 2001. 229.

неоклассическую трактовки трансакционных издержек: в первом случае они понимаются как «издержки установления и поддержания прав собственности» (Allen 1999, 898), во втором — как «издержки, возникающие в результате передачи прав собственности» (Allen 1999, 901) или «издержки обмена титулами собственности» (Demsetz 1988, 64). *Правоотношениям здесь отдается очевидный приоритет перед экономическими отношениями.* Но ведь «юридические формы, — писал К. Маркс, — в которых... экономические сделки проявляются как добровольные действия участников, как выражения их общей воли и как обязательства, к выполнению которых каждую из сторон принуждает государство, — эти юридические формы, будучи только формами, не могут сами определить этого содержания сделок. Они только выражают его» (Маркс 1962, 373). *Реальные экономические отношения, регулируемые правовыми нормами, всегда масштабнее и богаче этих норм.*

Несмотря на высокое общетеоретическое значение идей Дж. Коммонса и его последователей, предлагавших рассматривать трансакцию в качестве единицы институционального анализа, их позиция весьма неубедительна, тогда как К. Маркс начинал с изучения процесса трансформации: «Подлинная наука современной политической экономии, — писал он, — начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства» (Маркс 1962, 370). Это высказывание с полным основанием можно отнести и к институциональной экономической теории, которая на современном этапе своей эволюции иррационально заиклилась на исследовании институциональных отношений и норм в сфере рыночного обращения.

В результате «новый институционализм», несмотря на яростную критику его представителями концепций и моделей ортодоксальной неоклассической *economists*, по существу недалеко ушел от нее, оставшись «в плену» сферы обращения, преимущественно рассматривая процессы обмена и распределения прав собственности на редкие и ограниченные ресурсы, результаты которых фиксируются соглашениями (контрактами) в контексте сложившихся во внешней среде «правил игры». Современный «новый» институционализм отличается от неоклассики не в принципе, а формально, за счет усложнения исходных посылок анализа, предмет которого — рынок — у этих якобы конкурирующих научных течений одинаков. В результате возникают, словами Дж. Ходжсона, «туманные» описания трансакционных издержек, которые представляются как «затраты, связанные с функционированием рыночной экономической системы и необходимые для обеспечения устойчивости проводимых трансакций» (Попов и Коновалов 2007, 61).

Если Дж. Коммонс дает узкоюридическое определение трансакции, а К. Менар предлагает расширительную экономико-правовую трактовку, то С. Ченг делает попытку универсальной дефиниции (трансакция как любая форма организации человеческой деятельности) (Cheung 1998), которая, тем не менее, может быть уточнена. *Трансакция (transaction) — это экономическая форма взаимодействия (interaction), т.е. взаимного обмена действиями между*

контрагентами в условиях глубокого общественного разделения труда и его широкой кооперации. Действительный источник трансакционных издержек — дифференциация и интеграция видов хозяйственной деятельности в реалиях информационной асимметрии агентов. Трансакционные издержки генетически не связаны со сферой обмена, хотя именно на рынке они проявляют себя в наиболее отчетливых формах. Объективно назрела необходимость активизации институциональных исследований сферы производства. Пора осуществить перенос акцентов с рыночных сделок на внутрифирменные трансакции, а также на операции как комплексы взаимосвязанных действий и сами действия агентов, учитывая, что любое «действие... совершается в институциональных формах» (Пресняков 2001, 96), т.е. «становится включенным в конвенции и институции» (Biggart 2000, 10). Трансакционные издержки как издержки обобществления хозяйства — неотъемлемый атрибут любых взаимодействий экономических агентов, в том числе не сопровождающихся обменом правами собственности. Для осознания этого «необходимо прежде всего выйти за рамки узкого понимания самой категории трансакционных издержек. Эти издержки возникают не только при осуществлении индивидуальных экономических актов» (Капелюшников 2006, 17), но гораздо чаще при осуществлении сложных видов совместной деятельности. Даже простая кооперация труда, совершенно не связанная с закреплением или перераспределением имущественных правомочий, неизбежно влечет трансакционные издержки. «Если же хозяйственную систему определять через совокупность взаимосвязей, взаимодействий между экономическими агентами, то в общей форме трансакционные издержки могут рассматриваться как издержки взаимодействия» (Шаститко 1997, 66), хотя этим их содержание, безусловно, не исчерпывается.

Необходимо преодолеть устоявшееся отождествление производственных и трансформационных издержек, а также их противопоставление трансакционным издержкам. Так, А. Олейник, трактуя трансакционные издержки (C_{Ta}) как «все издержки, связанные с обменом и защитой правомочий» (Олейник 2005, 133), фактически использует их правовую интерпретацию. Более глубокого, хотя и юридического по существу подхода к пониманию трансакционных издержек придерживается и А. Шаститко: «ресурсы, использование которых обуславливает изменение правовой характеристики вещи, формируют трансакционную составляющую издержек производства» (Шаститко 2006, 65). Но все еще многие современные ученые консервативно выводят трансакционные издержки за границу производственных (Кузьминов, Бендукидзе и Юдкевич 2006, 230–232), которые в итоге некорректно редуцируются.

Трансакционные издержки представляют собой компонент общих издержек производства (C_p) наряду с трансформационными издержками (C_{Tp}), или: $C_p = f(C_{Tp}, C_{Ta})$. Этот методологически важный вывод следует из базовых положений теории экономической генетики, согласно которым метапроизводственная функция (F) любого продукта (Q) имеет вид: $Q = F(Tf, Ta)$, где Tf — затраты трансформационных факторов на производство вещественного содержания

продукта, Ta — затраты трансакционных факторов на создание его социальной формы (Иншаков 2004; 2007). При этом важно учитывать сформулированную О. Иншаковым аксиому: «все факторы (следовательно, и затраты на них), ...положительны, а в ином случае производство продукта невозможно» (Иншаков 2005, 55), другими словами, «при нулевом значении хотя бы одного из аргументов (метапроизводственной функции. — Авт.) результат равен нулю» (Иншаков 2005, 55). Трансакционные издержки никогда не равны нулю, поскольку трансакционные факторы производства являются эндогенными элементами метапроизводственной функции.

Таким образом, *трансакционные издержки* — это не только издержки осуществления конкретных сделок, но и затраты на планирование и прогнозирование, координацию и субординацию функций, получение и поддержание статусов, соответствие формальным и неформальным требованиям, выработку и оптимизацию соответствующих правил и процедур, налаживание и укрепление связей и отношений с партнерами и контрагентами, мониторинг оппортунизма и осуществление коммуникаций, сбор и переработку данных, создание и продвижение образов и т.п. Это — объективно необходимые затраты на институциональное, организационное и информационное обеспечение любой конкретной деятельности.

В качестве критерия выделения трансакционных издержек Е. Попов с соавторами используют «тип операции, которая применяется к ресурсам и приводит к появлению тех или иных издержек» (Попов, Власов и Веретенникова 2011, б). Для дальнейшего развития этого подхода важно признать, что *трансформационных операций и видов экономической деятельности в чистом виде не существует*. Так, строительно-монтажные работы невозможны без разделения и кооперации труда, осуществления коммуникаций, планирования и регламентации и др. Аналогично, трансакционные по своему содержанию «вспомогательные» виды деятельности (например, материально-техническое снабжение, маркетинг и реклама, экспертиза, сервисное обслуживание, учет и аудит и т.п.) предполагают применение различных технических средств (и следовательно, их износ), расхода материалов и интенсивного использования человеческого капитала, т.е. объективно влекут трансформационные издержки. Поэтому *следовало бы говорить о преимущественно трансакционных видах деятельности, не связывая их напрямую с генерацией трансакционных издержек* и учитывая этот момент при выделении трансакционных секторов в экономике (Попов и Гембий 2011).

Следуя «аксиоме Иншакова», *трансакционные издержки по своей природе являются производительными и всегда имеют положительное значение*. Любое взаимодействие и, следовательно, любая деятельность в сферах производства, обмена и потребления характеризуется трансформационными и трансакционными издержками. К сожалению, потребление редко рассматривается в качестве особого вида деятельности (Меткаф 2007, 105). Видимо, из-за этого изучение трансакционных издержек в сфере потребления не получило должного

го развития, хотя оно необходимо для формирования полноценной маркетинговой теории (Фролов 2010). Системностью транзакционных издержек объясняется их многоаспектность.

Важно осознать, что транзакционные издержки сопровождают не только взаимодействия агентов, но и каждое отдельное действие, поскольку в нем общественные экономические отношения представлены в снятом виде. Не понимает этого Т. Эггертссон, приходя к выводу: «Одинокий человек на необитаемом острове столкнется с информационными издержками в ходе своего «домашнего производства», но этот изолированный индивид не участвует в обмене и потому не будет нести транзакционные издержки» (Эггертссон 2001, 29). Трудно объяснить тягу экономистов к «робинзонадам», хотя ситуации вынужденного автаркического хозяйствования крайне редки и гораздо более репрезентативной фигурой для иллюстрации простого случая экономической деятельности является индивидуальный предприниматель как персонифицированная фирма (Инишаков 2008). Тем не менее, Робинзон в романе Д. Дефо активно взаимодействует со средой обитания: совмещает и комбинирует различные виды деятельности, планирует и организует время труда и отдыха, вырабатывает рациональные способы использования ограниченных ресурсов, ведет учет запасов и т.д. Он волей обстоятельств оторван от общества, но сохраняет надежду на возвращение. Транзакционные издержки присутствуют в его индивидуальном воспроизводстве, но в предельно редуцированной форме, что обусловлено экстремальным характером вынужденной социальной изоляции.

Не следует абсолютизировать утверждение Д. Норта о том, что «затратность информации является ключом к пониманию издержек транзакций, которые (издержки) состоят из издержек оценки полезных свойств объекта обмена и издержек обеспечения прав и принуждения к их соблюдению» (Норт 1997, 45). Затратность информации — наиболее очевидное, но лишь внешнее проявление транзакционных издержек и один из их компонентов. Издержки обеспечения прав и принуждения к их соблюдению, но прежде этого, издержки закрепления функций и статусов агентов хозяйственной деятельности — институциональный компонент транзакционных издержек, связанный с тем, что в ходе экономической эволюции «возникают новые виды специализации, призванные справляться со все новыми вызовами усложняющейся социально-экономической системы» (Ходжсон 2001, 34). В свою очередь, «сравнительные затраты на планирование, адаптацию и мониторинг выполнения задачи, характерные для альтернативных структур управления» (Уильямсон 1996, 28) можно отнести к организационной составляющей данных издержек.

Отсутствие четкой спецификации состава транзакционных издержек происходит от неопределенности их трактовки, затрудняющей выработку критериев отнесения затрат к данной категории (Burns and Scapens 2000). Результатом становится параллельное использование самых разнообразных методик их исчисления, практически не согласованных между собой. Тем самым сдерживается компаративный анализ уровня и динамики транзакционных издер-

жек в разных регионах, сферах, отраслях и сегментах хозяйства, на различных фирмах и товарных рынках и т.д. Насколько сопоставимы результаты измерений транзакционных затрат в различных комплексах и сферах хозяйства, если принципиально различны их методики? И каков системный эффект методически разрозненных эмпирических исследований?

Неразвитость методики транзакционных измерений тормозит интеграцию общественных наук. Так, интересно предположение о больших перспективах изучения «особенностей формирования транзакционных издержек функционирования разнообразных общественных институтов с точки зрения их взаимодействия с институтами, действующими на других социентальных полях» (Мартынов 2001, 10). Ведь с позиций методологии междисциплинарного синтеза «транзакционные издержки — это издержки преодоления границ между социальными системами, каждая из которых представляет собой своеобразный локальный рынок» (Ореховский 2010, 25). Однако проблематичность корректной оценки их уровня оставляет подобные направления исследований в области «чистой теории», оперирующей слабо верифицируемыми гипотезами.

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ТЕОРЕМА ОБ ИНСТИТУТАХ И ТРАНЗАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖКАХ

Хотя минимизация транзакционных издержек является общепринятым критерием эффективности институтов, их увеличение рассматривается экспертами как сигнал посткризисного восстановления мировой экономики: именно так оценивался рост расходов на рекламу в мире на 4,9% в 2010 г. Отмеченный парадокс пока не «вписывается» ни в теорию экономического развития, ни в теорию кризисов, что, очевидно, требует переосмысления нормативной версии «теоремы Коуза».

Институциональные экономисты «часто проводят аналогию между феноменом трения в мире физических объектов и транзакционными издержками... Данная аналогия позволяет говорить о всеобщем распространении транзакционных издержек» (Шаститко 2002, 213). Красочная метафора «издержки трения в экономической системе», введенная в научный оборот О. Уильямсоном еще в 1985 г. (Уильямсон 1996, 53), стала подобна так называемым «кочующим цитатам», настоящий смысл которых уже забыт и искажен, но по инерции их все еще используют. В физике снижение трения означает повышение коэффициента полезного действия, а в экономике минимизация транзакционных издержек рассматривается как характеристика роста эффективности институтов. Неслучайно в присущем ему метафоричном стиле Г. Клейнер уподобляет институты железнодорожным рельсам, «обеспечивающим снижение неопределенности движения состава за счет регулирования сил трения: усиления «полезного» трения, не дающего составу сойти с рельсов, и ослабления «вредного» трения, замедляющего качение колес» (Клейнер 2006, 114). Обоснованная Р. Коузом абстрактная модель хозяйственной системы с нулевыми трансак-

ционными издержками породила у институционалистов опасный стереотип о необходимости максимального сокращения этого вида затрат. При этом забывается именно «полезное» трение. Но *если трение в физических системах необходимо снизить до нуля, то транзакционные издержки в экономических системах следует оптимизировать в пределах нормы*. Ведь позитивный «рост этого класса издержек сопровождается углубление разделения труда и развитие многих других форм человеческих отношений, происходящее в рамках общественного прогресса» (Нестеренко 2002, 308), поэтому объективно существует мера их минимизации. На микроуровне расширение фирмы тоже объективно влечет рост транзакционных издержек управления, мониторинга, учета и контроля, изучения рынков и продвижения продукции. Следовательно, «в качестве критерия экономического роста основного производства целесообразно рассматривать не уменьшение его общих транзакционных издержек <...>, а их экономию на единицу произведенной продукции, так как уменьшение общих транзакционных издержек может сопровождаться ростом средних транзакционных издержек, что характерно для сокращения разделения труда и неэффективной организации производства» (Гукова 1999, 82). В свою очередь, Я. Сергиенко настаивает на том, что «фирмы должны найти оптимальное для себя сочетание углубления специализации (концентрации на ключевых ресурсах) и сопровождающего этот процесс роста транзакционных издержек» (Сергиенко 2004, 47–48). Следует уточнить, что речь идет именно об общих транзакционных издержках, рост которых отнюдь не свидетельствует о наличии у фирмы институциональных проблем.

В целом для каждого хозяйственного субъекта на разных этапах его развития существует оптимальный уровень транзакционных издержек. На основе множества частных значений складываются и среднеотраслевые размеры этих издержек, т.е. их нормы для конкретных функционально определенных видов хозяйственной деятельности. Транзакционные издержки объективно необходимы для функционирования и развития экономических систем любого масштаба.

В противовес «теореме Коуза» представляется возможным говорить о «*теореме Маевского*»³, который обосновывает, что «чем эффективнее в эволюционном аспекте экономические институты, тем в большей мере способствуют они повышению транзакционных издержек (курсив. — Авт.)» (Маевский 2001, 19). Для дополнительной аргументации столь нестандартной позиции продуктивным видится выделение специфики «поведения» институтов в разных временных периодах (Bates 2010, 10–11). В краткосрочном периоде институты в большей степени обнаруживают свою ограничительную функцию, напротив, в долгосрочной перспективе они скорее расширяют возможности человеческой деятельности и степени ее свободы, чем создают рамки и накладывают ограничения. *Целевая функция институтов не сводится только лишь к минимизации транзакционных издержек.*

³ Первую формулировку данной теоремы см. в работе (Инишаков и Фролов 2002, 267–268).

Неоклассическая теория «концентрируется главным образом на функционировании рынков, а не на том, как они развиваются» (*Норт 2004, 707*). «Теорема Коуза» описывает внешние формы проявления экономической эволюции — движение прав собственности (имущественных правомочий). В стороне остаются первичные процессы общественного разделения и кооперации труда, институционализации хозяйственной деятельности. Обоснованы сомнения А. Шаститко: «даже если общая величина трансакционных издержек действительно растет, означает ли это, что система обменов становится менее эффективной? Так, гипотеза об эластичном спросе на трансакционные услуги предполагает, что снижение средних трансакционных расходов обуславливает рост общих трансакционных расходов. С этой точки зрения увеличение трансакционных издержек совместимо с повышением эффективности и экономическим ростом» (*Шаститко 1997, 71*). Словами Дж. Ходжсона, «возрастание экономической сложности, по определению, предполагает увеличение многообразия видов взаимодействия людей» (*Ходжсон 2001, 32*), хотя, конечно, эволюция экономики выражается не только в росте сложности и расширении многообразия: в ее ходе усложнение циклично сменяется упрощением, а полиморфизм — унификацией. Адаптивная эффективность институтов (*Норт 1997, 106–107*) связана с минимизацией ими трансакционных издержек функционирования экономической системы в рамках достигнутого ей уровня сложности (рутинные процессы). Эволюционная эффективность институтов, следуя логике В. Маевского, отражает их способность к повышению сложности экономической системы за счет углубления разделения труда и развития способов его кооперации, что ведет к росту общих трансакционных издержек (инновационные процессы). Например, количество пользователей сети Интернет в мире в 2000-х гг. возросло более чем в пять раз, что выразилось в экспоненциальном росте числа их связей и отношений, способствуя повышению общих трансакционных издержек, тогда как удельные затраты (стоимость единицы Интернет-трафика) неуклонно снижаются.

По гипотезе П. Савиотти, «рост разнообразия является необходимым условием для долгосрочного экономического развития» (*Савиотти 2007, 61*), а нелинейность и неустойчивость представляют собой, согласно В.-Б. Зангу, главные «источники разнообразия и сложности экономической динамики» (*Занг 1999, 13*). Рост общих трансакционных издержек в экономике отражает усложнение процессов, форм и результатов дифференциации и интеграции человеческой деятельности, в частности, расширение использования дистантных и сетевых бизнес-моделей. Снижение удельных трансакционных издержек связано с минимизацией затрат на осуществление каждой отдельной транзакции за счет эффективных информационных технологий и сервисов, оптимизации институциональных функций и структур, упрощения процедур, унификации правил и требований, типизации контрактов и моделей взаимодействий и т.д. При этом устойчивая тенденция к увеличению доли трансакционных издержек в структуре общих затрат и ценах товаров отражает рост дальнейшего обобществления

производства в условиях рыночной модели хозяйства. Так, огромные затраты современных фирм на рекламу, PR и брендинг провоцируются интенсификацией конкурентной борьбы и не подчиняются рекомендациям, якобы вытекающим из «теоремы Коуза». Ведь «трансакционные издержки — неизбежны и необходимы одновременно» (Попов и Коновалов 2007, 62), они представляют собой и показатель «трения» в экономике, и индикатор ее эволюции, что предполагает совмещение их негативной и позитивной трактовок.

Становится возможным сформулировать *интегральную теорему*: системная эффективность институтов тем выше, чем в большей степени они максимизируют общие и минимизируют удельные трансакционные издержки в экономике (см. рис. 1) (Фролов 2011а; Фролов 2011б).

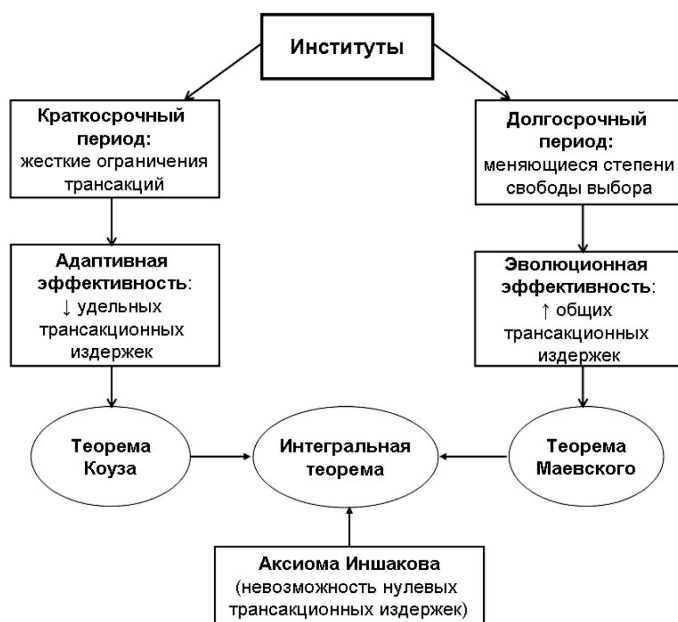

Рис. 1. Логика взаимосвязи институтов и трансакционных издержек

При выборе институциональных альтернатив «главным доводом должна служить сравнительная экономия трансакционных издержек» (Уильямсон 2001, 16), добавим, если она сопровождается повышением их общего уровня, отражающим прогрессивное усложнение экономической системы. Внешним проявлением и результатом эволюции хозяйства является «расширяющееся многообразие продуктов и процессов, нарастающая сложность во взаимоотношениях между действующими лицами, состав которых меняется, а численность увеличивается. Естественно, что следствием нарастающей сложности транзакций является рост (общих. — Авт.) трансакционных издержек» (Маевский 2001, 19). Так, А. Корделла отмечает двойственность влияния информационных технологий на трансакционные издержки: «С одной стороны, IT обеспечивают доступ к большим объемам информации лучшего качества, что облегчает координацию, с другой стороны — возросшие объемы данных нуждаются в обработке... Соот-

ветственно это может привести как к снижению, так и к увеличению издержек координации» (Cordella 2001, 857). *Общее повышение уровня транзакционных издержек в экономической системе является индикатором созидательной противоречивости ее эволюции, а не вызвано падением эффективности институтов.*

Ориентация на поступательность, преемственность, синхронность и однородность развития экономики достигается по сути лишь в конкретных «точках» на гипотетической «оси» эволюционного времени, т.е., вообще говоря, в статике. В динамическом же аспекте, на любых «отрезках», эволюция хозяйственной системы сопровождается усложнением институциональных механизмов, трансформацией связей и отношений агентов, возникновением и экспансией новых форм организации, модернизацией норм и правил, совершенствованием процедур и контрактов. Это неизбежно ведет к увеличению совокупных издержек транзакций, поскольку «только системы, далекие от равновесия, системы в состояниях неустойчивости, способны спонтанно организовывать себя и развиваться. Только в состояниях, далеких от равновесия, возникает сложность» (Князева и Курдюмов 2002, 41). И тогда совершенно обоснованно подтверждается вывод В. Маевского. Но «вместе с ростом сложности системы растет, причем экспоненциально, трудность согласования функционирования ее элементов» (Моисеев 1998, 155), повышая потребность в адаптивно эффективных институтах. В целом же *стабильный рост общих транзакционных издержек носит положительный характер* (особенно в фазе посткризисного восстановления), отражая действие эволюционно эффективных институтов, поддерживающих плодотворное «брожение» экономической системы, конструктивное усложнение конфигураций взаимодействий ее агентов, норм и правил, статусов и процедур, конвенций и контрактов в русле интенсификации деловой активности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что современное состояние теории транзакционных издержек связано с рутинным воспроизводством методологических и категориальных стереотипов, не позволяя в полной мере реализовать ее огромный эвристический потенциал. Сформулируем основные выводы проведенного анализа:

1. В результате онтологизации «теоремы Коуза» (вменения ей статуса нормативной концепции) минимизация транзакционных издержек стала рассматриваться как императив экономической политики (Д. Норт) и целевая функция институтов (О. Уильямсон). Доминирует юридическое понимание транзакции как обмена правами собственности, что ведет к негативной интерпретации транзакционных издержек как непроизводительных и относящихся исключительно к сфере обращения. От-

сутствием единства в понимании состава этих издержек обусловлена нечеткость их определений, тормозящая компаративные и междисциплинарные исследования. Очевидна неправомерность универсализации «теоремы Коуза», из чего следует необходимость уточнения ее онтологических границ.

2. Нуждается в развитии экономическая трактовка трансакционных издержек как атрибута обобществления хозяйственной деятельности, выражающегося в углублении разделения труда, усилении его кооперации и расширении информационных границ. С позиций теории метапроизводственной функции О. Иншакова можно сформулировать аксиому: трансакционные издержки объективно производительны и всегда положительны. Они сопровождают не только взаимодействия экономических агентов, но и любые их действия, поскольку в них в снятом виде отражены общественные отношения. Даже условный Робинзон несет трансакционные издержки, но их объем предельно редуцирован.
3. Управление трансакционными издержками предполагает их оптимизацию в пределах нормы для конкретного субъекта или сферы деятельности, а не только минимизацию. Нормальное увеличение общих трансакционных издержек отражает прогрессивный рост сложности экономической системы в ходе ее эволюции. В свою очередь, снижение удельных трансакционных издержек создает импульс количественному росту, ускорению и повышению разнообразия взаимодействий агентов. Субоптимальная экономия на трансакционных издержках чревата многочисленными отрицательными эффектами, создавая препятствия расширению масштабов, качественному усложнению и прогрессу экономических систем.
4. Действие институтов в краткосрочном периоде в большей степени характеризуется адаптивной эффективностью и направлено на снижение удельных трансакционных издержек (что фактически следует из «теоремы Коуза»), а в долгосрочном периоде — на стимулирование интенсивного роста количества связей, отношений, взаимодействий и сделок, сопровождающегося повышением общих трансакционных издержек в системе, что соответствует критерию эволюционной эффективности («теорема Маевского»). Интегральная теорема позволяет связать сист-емную эффективность институтов с максимизацией общих и минимизацией удельных трансакционных издержек в экономике. Это — необходимый шаг в направлении создания позитивистской институционально-эволюционной теории, преодолевающей устаревшие представления об институтах как ограничениях деятельности и трансакционных издержках как негативных следствиях «трения» в экономических механизмах.

ЛИТЕРАТУРА

Андрефф В. (2003). Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза // *Вопросы экономики*. № 12.

Ворота в глобальную экономику / под ред. О.Е. Андерссона и Д.Е. Андерссона. М.: ФАЗИС, 2001.

Гукова А.В. (1999). Трансакционные издержки в системе производственной инфраструктуры // *Вестник Волгоградского гос. ун-та*. Сер. 3. Экономика, экология. Вып. 4.

Дементьев В.В. (2005). Институты, поведение, власть // *Постсоветский институционализм* / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: Каштан.

Занг В.-Б. (1999). Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир.

Иншаков О. и Фролов Д. (2005). Место институционализма в экономической науке // *Экономист*. № 10.

Иншаков О. и Фролов Д. (2010). Эволюционная перспектива экономического институционализма // *Вопросы экономики*. № 9.

Иншаков О.В. (2010). Институт и институт: проблемы категориальной дифференциации и интеграции // *Экономическая наука современной России*. № 3.

Иншаков О.В. (2004). Потенциал эволюционного подхода в экономической науке современной России // *Экономическая наука современной России*. № 4.

Иншаков О.В. (2008). Предприятие и фирма: выход из заблуждений в русле эволюционной экономической теории // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 3. Экономика, экология. № 2 (13).

Иншаков О.В. (2005). Эволюционная экономика и экономическая генетика // *Эволюционная теория, инновации и экономические изменения: VI Междунар. симпоз. по эволюц. экономике* (г. Пущино, 23–24 сент. 2005 г.). М.: Институт экономики РАН.

Иншаков О.В. (2007). Экономическая генетика и наноэкономика. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Иншаков О.В. и Фролов Д.П. (2002). Институционализм в российской экономической мысли (IX-XXI вв.): В 2 т. Т. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Капелюшников Р.И. (2006). И еще раз — о теореме Коуза (критические заметки). Препринт WP3/2006/02. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Клейнер Г.Б. (2006). Новая институциональная экономика: на пути к «сверхновой» // *Российский журнал менеджмента*. Т. 4. № 1.

Князева Е.Н. и Курдюмов С.П. (2002). Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя.

Коуз Р.Х. (2004). Институциональная структура производства // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. Т. V. В 2 кн. Всемирное признание: лекции нобелевских лауреатов*. Кн. 1. М.: Мысль.

Коуз Р.Х. (2007). Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство.

Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А. и Юдкевич М.М. (2006). Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты: учебник. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Кутер Р.Д. (2004). Теорема Коуза // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М.

Луман Н. (2006). Дифференциация. М.: Логос.

Маевский В.И. (2001). Эволюционная теория и институты // Вестник Государственного университета управления. Серия «Институциональная экономика». № 1 (2).

Маркс К. (1962). Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. В 39 т. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М.: Госполитиздат.

Мартынов А. (2001). Системная трансформация в России: от исходной парадигмы к анализу // Общество и экономика. № 5.

Менар К. (2005). Экономика трансакционных издержек: от теоремы Коуза до эмпирических исследований // Институциональная экономика: учебник / под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М.

Меткаф Дж.С. (2007). Потребление, предпочтения и эволюционный подход // Рост потребления и фактор разнообразия: новейшие исследования западных и российских эволюционистов. М.: Дело.

Моисеев Н.Н. (1998). Расставание с простотой. М.: Аграф.

Нестеренко А.Н. (2002). Экономика и институциональная теория / отв. ред. акад. Л.И. Абалкин. М.: Эдиториал УРСС.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Норт Д.К. (2004). Экономическая деятельность в масштабе времени // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. 5. В 2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. Кн. 1. М.: Мысль.

Олейник А.Н. (2005). Институциональная экономика: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М.

Ореховский П.А. (2010). Неэквивалентный обмен и свойства пространства в экономической теории. М.: Институт экономики РАН.

Попов Е.В., Власов М.В. и Веретенникова А.Ю. (2011). Прозрачность трансакционных издержек // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. № 1.

Попов Е.В. и Гембий М.А. (2011). Трансакционный сектор региона. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН.

Попов Е.В. и Коновалов А.А. (2007). Оценка институциональных эффектов в сфере экономической информации // Montenegrin Journal of Economics. № 5.

Пресняков В.Ф. (2001). Предприятие как система коллективного действия // Институциональная экономика: учеб. пособие / под рук. акад. Д.С. Львова. М.: ИНФРА-М.

Савиотти П.П. (2007). Разнообразие, рост и спрос // Рост потребления и фактор разнообразия: новейшие исследования западных и российских эволюционистов. М.: Дело.

Сергиенко Я.В. (2004). Современные корпоративные стратегии: роль специализации и трансакционных издержек // *Российский журнал менеджмента*. Т. 1. № 3.

Смирнов И.К. и Смирнова О.И. (2004). Противоречия собственности: становление, разрешение, развитие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.

Сухарев О.С. (2010). Вопросы методологии институционального анализа: нормативные оценки и теория // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. Т. 2. № 3.

Уильямсон О.И. (2001). Введение // *Природа фирмы* / под ред. О.И. Уильямсона, С.Дж. Уинтера. М.: Дело.

Уильямсон О.И. (1996). Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат; CEV Press.

Фролов Д. (2011а). Парадокс трансакционных издержек // *Экономист*. № 5.

Фролов Д. (2011б). Теория кризисов после кризиса: технологии versus институты // *Вопросы экономики*. № 7.

Фролов Д.П. (2008). Методологический институционализм — новый взгляд на эволюцию экономической науки // *Вопросы экономики*. № 11.

Фролов Д.П. (2010). Эвристики и «ловушки» в теории маркетинга // *Маркетинг в России и за рубежом*. № 4.

Ходжсон Дж. (2001). Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // *Вопросы экономики*. № 8.

Шаститко А. (1997). Трансакционные издержки (содержание, оценка и взаимосвязь с проблемами трансформации) // *Вопросы экономики*. № 7.

Шаститко А.Е. (2002). Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд. М.: Экон. фак. МГУ; ТЕИС.

Шаститко А.Е. (2006). Трансакции и трансакционные издержки // *Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учебник* / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. А.А. Аузана. М.: ИНФРА-М.

Эггертссон Т. (2001). Экономическое поведение и институты. М.: Дело.

Aivazian, V. and Callen, J. (2003). The Core, Transactions Costs, and the Coase Theorem // *Constitutional Political Economy*. Vol. 14. No. 4.

Allen, D.W. (1999). Transaction Costs // *Encyclopedia of Law and Economics*. Edward Elgar and the University of Ghent. (<http://encyclo.findlaw.com/0740book.pdf>).

Bates, R. (2010). The New Institutionalism. Paper presented at the conference «The Legacy and Work of Douglass C. North: Understanding Institutions and Development Economics» (Washington University in St. Louis, November 4–6, 2010). (<http://cniss.wustl.edu/files/cniss/batespaper.pdf>).

Bertrand, E. (2008). The Three Roles of the «Coase Theorem» in Coase's Works. Proposal for the History of Public Economics Conference (Paris, 11–13 December, 2008). (<http://www.pgppe.cnrs.fr/documents/pagehpe/papers/bertrand.pdf>).

Biggart, N.W. (2000). Social organisation and economic development // *Экономическая социология*. Т. 1. No. 1.

Burns, J. and Scapens, R.W. (2000). Conceptualizing management accounting change: an institutional framework // *Management Accounting Research*. Vol. 11.

Butler, M.R. and Garnett, R.F. (2003). Teaching the Coase Theorem: Are We Getting It Right? // *American Economic Journal*. Vol. 31. No. 2.

Cheung, S.N.S. (1998). The Transaction Costs Paradigm // *Economic Inquiry*. Vol. 36. No. 4.

Commons, J.R. (1931). Institutional Economics // *American Economic Review*. Vol. 21.

Cordella, A. (2001). Does Information Technology Always Lead to Lower Transaction Costs? // Proceedings of 9th European Conference on Information Systems «Global Co-Operation in the New Millennium» (Bled, Slovenia, June 27–29, 2001). (<http://www.is2.lse.ac.uk/asp/aspecis/20010024.pdf>).

Demsetz, H. (1988). The Theory of the Firm Revisited // *Journal of Law, Economics and Organization*. No. 4.

Fisher, S. (1977). Long-Term Contracting, Sticky Prices, and Monetary Policy: A Comment // *Journal of Monetary Economics*. No. 3.

Glaeser, E., Johnson, S. and Shleifer, A. (2001). Coase versus the Coasians // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 116. No. 3.

Harris, S.D. (2002). Coase's Paradox and the Inefficiency of Permanent Strike Replacements // *Washington University Law Quarterly*. Vol. 80.

Szymanski, S. (2006). The Champions League and the Coase Theorem / International Association of Sports Economists. Working Paper Series, Paper No. 06–17. (http://www.law.psu.edu/_file/Sports%20Law%20Policy%20and%20Research%20Institute/Szymanski_Coase.pdf).